

Морское дело в Консерватории

Казалось бы, что может объединять два таких, на первый взгляд, различных явления: консерватория и флот? Ответ лежит на поверхности — это, конечно же, музыка.

Музыка, в частности военная, сопровождает Санкт-Петербург с самого его основания. Уже в 1703 г., под стук киянок и скрипы пил, по указу царя возник первый военно-морской оркестр города на Неве. Состав насчитывал двадцать девять человек бывших певчих дяко́в, выписанных из Москвы и переученных на гобой и барабаны [5].

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. военно-морские оркестры находились в довольно плохом состоянии в силу множества причин, о которых позже. Иначе обстояли дела с оркестрами гвардейских пехотных и кавалерийских полков Петербурга — они являлись наиболее полными по количеству исполнителей в них (от 60-ти до 70-ти человек в каждом), а также были лучше оснащены в отношении инструментов и нот. Более разнообразным и художественно значимым был и репертуар. Инспекцию и наблюдение за такими оркестрами осуществляло специальное должностное лицо — заведующий хорами музыки войск гвардии¹. В системе военно-морских оркестров не существовало лица, выполнявшего надзорные функции. Как следствие — спонтанная комплектация состава («...обилие излишних инструментов, их нехудожественный выбор...»), нерегулируемый репертуар. Велико было количество иностранных вольнонаёмных капельмейстеров.

Ситуация, сложившаяся с военно-морскими оркестрами, требовала перемен. И вскоре они произошли: приказом от 12 мая 1873 г.

была учреждена должность инспектора музыкантских хоров Морского ведомства². Приказом от 14 мая 1873 г. на эту должность был назначен Н. А. Римский-Корсаков. С этого момента начинается история взаимоотношений флота и консерватории.

Безусловно, фигура Римского-Корсакова возникает здесь не случайно. Личность Николая Андреевича, композитора, педагога, моряка-лейтенанта, чье творчество является одним из столпов русской классической музыки, удивительным образом совмещала в себе и музыкантское, и офицерское начала. Известно, что профессия морского офицера в роду Римских-Корсаковых была практически фамильной; она стала своеобразным знаком рода. Николай Андреевич добросовестнейше исполнял возложенные на него обязанности. Под его надзором музыкантские хоры Морского ведомства стали полноправными участниками культурной жизни страны того времени.

Что же представляли собой военно-морские оркестры к 1873 году? Существовало два вида их классификации. По принципу места расположения оркестры разделялись на строевые и портовые хоры. К первому типу относились хоры Балтийского, Черноморского флотов, а также хоры Гвардейского экипажа, флотских экипажей. Ко второму относились хоры Бакинский, портов Восточного океана, Кронштадтский портовый хор, хор Николаевского порта.

Другой вид классификации — по составу. Хоры комплектовали по трем разновидностям: «медный» — состоял из одних медных духовых; «смешанный» — включал в себя и медные и деревянные духовые инструменты;

¹ В 1873 году обязанности такого лица исполнял профессор СПб консерватории В. В. Вурм.

² Здесь и далее — под музыкантским хором подразумевается оркестр.

«бальный» — к медным и деревянным духовым прибавлялись струнные смычковые. В дополнение, Римский-Корсаков разделил эти три типа каждый на первый и второй разряды, отличавшиеся «...числом инструментов, употребляемых по несколько на один голос» [1, 84].

В том же 1873 г., по инициативе Великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала военно-морского флота и председателя ИРМО в СПб консерватории был создан отдел военно-морских музыкантов, для укомплектования строевых и портовых хоров морского ведомства. Руководство делами нового отделения было возложено на Н. А. Римского-Корсакова. Набор в отдел производился по двум специальностям: «играющие на духовых инструментах» и капельмейстеры военных хоров. И для исполнителей духовиков, и для капельмейстеров предполагался четырехлетний курс обучения; оркестранты изучали, наряду со своим основным инструментом, еще и элементарную теорию музыки, дабы получить «первоначальное понятие о главных элементах искусства, нотной системе, разделении, гамме и т. д.».

Инструменты, на которых обучались ученики, были подобраны таким образом, чтобы впоследствии, по окончании службы (о чем будет сказано позже) поступить в другой оркестр, например театральный. Т. е. эти инструменты являли собой «главные типы», а именно: флейта большая, гобой, кларнет, фангот; также медные инструменты с пистонами: корнет, валторна, тромбон, труба. Как пишет Римский-Корсаков, «умея играть на одном из этих инструментов, музыкант в самое короткое время может перейти на всякий другой инструмент того же типа, например <...> с гобоя на английский рожок» [1, 75].

Говоря о капельмейстерском курсе, считаю возможным привести программу, составленную Римским-Корсаковым:

- 1) Игра на одном из деревянных или на одном из медных духовых инструментов.
- 2) Теория композиции.
  - а) Представление к экзамену музыкального сочинения по заданной программе.

- б) Образование проекта подобного сочинения во время самого экзамена.
- с) Образование на бумаге сопровождения к данной мелодии.
- д) Разбор музыкальных сочинений по отношению к гармонии и складу.
- 3) Инструментовка вообще и инструментовка военная в особенности. Положение на оркестр и военный хор данных сочинений.
- 4) Игра на фортепьяно. Исполнение легкого соло.
- 5) Чтение военных партитур.

Насколько следует из личных документов и материалов Николая Андреевича, полноценный капельмейстерский курс для стипендиатов Морского ведомства организован не был. В консерватории по специальности капельмейстера обучались два ученика от ведомства, поэтому уместно указать их имена: Михаил Чернов, закончивший курс капельмейстера военных хоров в 1878 году, Иван Кулыгин, музыкант Гвардейского экипажа четвертого отделения, начавший свое обучение с сентября 1878 года. Фактически,

капля в море в решении одной из основных проблем музыкантских хоров того времени — большинство капельмейстеров было иностранцами.

Гораздо лучше обстояли дела с набором учеников-исполнителей. Планировалось осуществлять прием порядка двадцати человек ежегодно.

Здесь необходимо сказать о дифференциации поступающих в СПб Консерваторию. По высочайше утвержденному 27 января 1873 года Положению в музыкантские хоры планировалось набирать не только людей, стоящих на службе, то есть непосредственно рекрутов, солдатских или матросских детей, в общем, закрепленных за военно-морским ведомством, но и вольноопределяющихся. За свое обучение вольноопределяющиеся должны были прослужить обязательный шестилетний срок (в соответствии с Положением о музыкантских хорах). По окончании сего срока они получали звание и возможность продолжать военную карьеру. Те же, кто по окончании выслуги увольнялся из состава, могли вновь поступить в музыкантские хоры «на правах вольнонаемных музыкантов из отпускных и отпусковых нижних чинов и иностранных подданных». Таких учеников в первом наборе было десять человек из планировавшихся двадцати; выбор вольноопределяющихся учеников зависел от консерватории (желающие поступить «приглашались отовсюду»), соответственно, принимали лишь самых талантливых. Из обучающихся, стоявших на военной службе, также было набрано десять человек. Таким образом, запланированное количество учеников составило первый набор от 1873/1874 г. В мае 1877 года из этих двадцати человек закончило семнадцать. В последующих наборах 1874/75, 1875/76, 1876/77, и далее с 1878 года по 1884 число стипендиатов морского ведомства, ввиду ограничения числа стипендий, сократили до пяти человек ежегодно.

В связи со стипендиатами морского ведомства, которых обучали в консерватории, нельзя не упомянуть школу при восьмом флотском экипаже. Именно из состава ее учеников отбирались будущие учащиеся отдела военно-морских музыкантов.

Сама школа при восьмом флотском экипаже существовала с 1833 г. до мая 1873 г. Она обеспечивалась т. н. «экономическими средствами экипажа» и не получала от казны «ни продовольствия, ни обмундирования, ни помещения для жилья». Это учебное заведение обучало детей погибших матросов и рекрутов — мальчиков от 7 до 14 лет. По предложениям Николая Андреевича Римского-Корсакова школу при восьмом флотском экипаже в материальном отношении зачислили в смету Морского ведомства с 8 мая 1873 г. Теперь ее доминирующей функцией стала подготовка музыкантов для нужд портовых и строевых хоров. Экономии ради ученики образовывались в стенах консерватории на условии платежа за каждого учащегося, по 150 рублей в год, с последующим распределением, производимым лично Николаем Андреевичем, не всегда согласованным с потребностями Морского ведомства.

В консерватории, наряду с упомянутой теорией музыки и основным инструментом, воспитанники школы некоторое время изучали игру на струнном инструменте. Нововведение появилось с 1874/75 учебного года, снова по инициативе Римского-Корсакова. Советом профессоров консерватории это было сочтено необходимыми полезным, «чтобы обеспечить им (ученикам. — *И. Ш.*) развитие музыкального слуха и сохранить здоровье, а также чтобы они могли, в случае утраты способности играть на духовом инструменте, зарабатывать себе средства к жизни игрою на одном из струнных инструментов» [1, 121]. Впрочем, в 1882 году Николай Андреевич ходатайствовал о прекращении обучения оркестрантов игре на смычковых, мотивируя это сугубо прагматическими соображениями: на сбереженные таким путем средства (500 рублей) предполагалось дать музыкальное образование еще четырем ученикам³.

Вступительные испытания в консерваторию для всех поступающих в военно-морской отдел проводила группа профессоров, в числе которых присутствовали гг. Вурм и Чиарди.

³ Благодаря этому смогли получить образование трое из восьми стипендиатов Морского ведомства, окончивших консерваторию в 1884 г.

Окончательное распределение зачисленных студентов по классам производилось на Совете консерватории, состоявшем из профессоров Л. С. Ауэра, В. В. Вурма, Ю. И. Иогансена, Г. А. Лароша, К. Х. Нидмана, Н. А. Римского-Корсакова, Ф. И. Тюрнера, под председательством директора М. П. Азанчевского.

Теперь об участии музыкантских хоров Морского ведомства в концертной жизни. Во время инспекторства Римского-Корсакова репертуар военно-морских оркестров приобрел особенную широту. Исполнялись аранжировки (в т. ч. сделанные Николаем Андреевичем) отрывков из опер Вагнера, Верди, Вебера, Глинки, Гуно, Даргомыжского, Доницетти, Дютша, Мейербера, Обера, Россини, Серова, попури из оперетт Оффенбаха, балетов Минкуса, Пуни; обработки инструментальных произведений Бетховена, Баха, Моцарта, Мендельсона, Франца Шуберта, Шопена, Глинки, вальсов Иог. Штрауса. Незаслуженно забыты сегодня два произведения Римского-Корсакова, написанные специально для музыкантских хоров Морского ведомства — это вариации для гобоя и, кажется, единственный в свое время концерт для тромбона [1, 93].

27 октября (9 ноября по новому стилю) 1874 года в Кронштадте состоялся первый концерт шести (!) соединенных хоров музыки Морского ведомства, общим количеством в 300 человек под управлением Н. А. Римского-Корсакова. Прозвучали произведения Мендельсона, Обера, Мейербера, Шопена, Шуберта, Вагнера, Глинки.

Из воспоминаний Николая Андреевича:

«...Что касается до деятельности моей как инспектора морских музыкантов, то я проявил ее в этом сезоне устройством осенью большого концерта соединенных хоров морского ведомства в Кронштадте. Концерт состоялся в манеже, участвовали как кронштадтские, так и петербургские хоры. Исполнено было, между прочим, несколько моих аранжировок, в том числе увертюра «Эгмонт», марш из «Пророка» и «Славься». Концерт прошел стройно и согласно под моим управлением. Для репетиций я прожил целую неделю в Кронштадте. Репетиции бывали по два и по

три раза в день, отдельно для деревянных и медных инструментов, и общие. Я проводил на них время с утра до ночи с малыми роздыхами и, скажу по правде, был неутомим. Не знаю, будут ли когда-нибудь морские хоры играть с такой отделкой и так стройно, как тогда, но что до этого им никогда не приходилось так подтянуться, — в этом я уверен. На концерт приезжали моя жена и Кюи. Народу было достаточно; но кронштадтская публика слушала, больше разинув рот от удивления невиданному и неслыханному событию, а музыкально наслаждалась мало. С тех пор на все время моего инспекторства установился обычай давать ежегодно, по разу и по два, такие концерты под моим управлением. Впоследствии эти концерты были перенесены мною в театр, где на сцене строились подмости, как то делается в инвалидных концертах в Петербурге. Со времени ухода моего с должности инспектора (март 1884 г. — *И. Ш.*) концерты эти совершенно прекратились» [2, 90].

Пятьдесят шесть лет спустя в Ленинградской государственной консерватории учредили Военно-Морской факультет...

Использованная литература:

1. *Римский-Корсаков Н.* Полное собрание сочинений, Т. 2. Литературные произведения и переписка. – М., 1963.
2. *Римский-Корсаков Н.* Летопись моей музыкальной жизни. – М., 1955.
3. *Моисеев Г.* «С любовью и готовностью...» Великий князь Константин Николаевич и Русское музыкальное общество // Musicus. 2009. № 4 (15).
4. *Колесникова Д.* Морской факультет Консерватории // Альманах «Малоизвестные страницы истории Консерватории». Вып. V.
5. Главный Военно-Морской Архив. Приказ Военского-морского флота, д. N 50, 1 ч., л. 366; 1703–1705 гг.